

Я сидел за столом и набивал патроны, когда в комнату вошёл мой приятель, художник.

— Здорово, тёзка! Ты это куда собрался? — спросил он.

— Хочу на охоту за лисой поехать.

— Отлично! — сказал приятель. — У меня как раз свободный день, я с тобой тоже поеду. Вот и встретим в лесу начало зимы!

Это известие, признаюсь, меня не очень обрадовало. Дело в том, что мой приятель совсем не охотник и даже в известной степни противник охоты. «Не понимаю удовольствия стрелять зверей или птиц, — часто говорит он, гораздо интереснее наблюдать их, а потом нарисовать». С точки зрения художника он, наверное, прав, но мы, охотники, совсем не прочь и подстрелить дичину. Вот поэтому я и не очень обрадовался такому товарищу в предстоящей охоте.

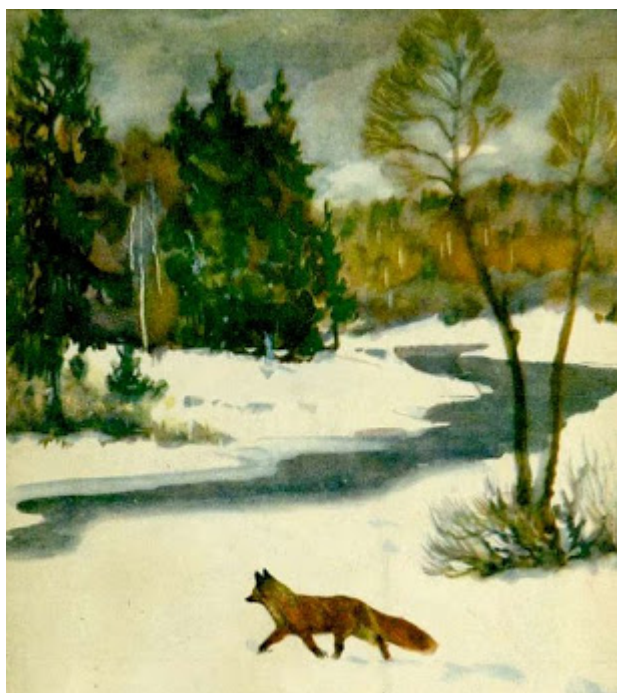
Но приятель, видно, не обратил на это никакого внимания. Он ушёл домой переодеться и часа через два уже был у меня, одетый в тёплую куртку, ушанку и валенки. Я тоже переоделся, взял ружьё, и мы отправились на вокзал.

Была уже глубокая ночь, когда мы добрались до деревни, где жил знакомый старичок охотник дядя Федя. Хозяин постелил нам постель, и мы улеглись, чтобы отдохнуть немного перед охотой.

Отдыхать пришлось недолго. Скоро в окне забелел мутный зимний рассвет. Старик встал, поставил самовар. Мы все выпили по стакану чаю, оделись, взяли заплечные мешки с флажками и отправились на охоту.

Утро было чудесное, именно начало зимы. Свежий, пушистый снег укрыл всю землю. Лес был мохнатый, белый, а над ним неярко синело прозрачное зимнее небо. Мы шли по тропинке через мелколесье. Кое-где по сторонам возвышались старые сосны, сплошь усыпанные снегом. На синеватом фоне неба они казались совсем белыми, будто вылитыми из гипса.

За мелколесьем начались овражки, поросшие кустарником, и густая, непроходимая чаща.

Мы внимательно осматривали на снегу свежие ночные следы зверей, видели несколько заячьих и беличьих, а лисьего следа всё не попадалось.

Но вот наконец и он: ровный, лапка в лапку, словно выведенный по нитке, тянется от опушки прямо

в чащу густых кустов.

— Подождите меня тут, — сказал дядя Федя, снимая с плеч свой мешок с флажками и кладя на землю. — Я мигом эту чащу обойду и погляжу, есть ли выходной след. Может, лиса здесь и улеглась на днёвку.

Мы тоже сняли свои мешки и уселись на них. Сидели молча, боясь разговором спугнуть чуткого зверя.

Вскоре старик показался с другой стороны. Он почти бежал.

— Нет выходного. Тут в чаще и лежит, — зашептал он, быстро развязывая мешок с флажками. — Становись здесь у ёлочки и карауль, — сказал он мне, а ты со мной иди, я тебя у полянки поставлю, — обратился он к приятелю. На чистом месте ты её хорошо разглядишь.

Дядя Федя вынул из мешка верёвку, на которой были нашиты красные лоскуты — флажки, и начал её растягивать, цепляя за ветки кустов. Он шёл всё дальше и дальше, опоясывая лесную чащу красной гирляндой. А мой приятель шёл следом за ним, помогая развешивать флажки.

«Только бы они как-нибудь не спугнули лису раньше времени, успели бы обтянуть флажками всю чащу! — думал я. — Тогда уж лиса не уйдёт. Куда ни сунется — всюду наткнётся на флажки». Так и будет бегать по чаще, отыскивая выход из круга, пока не наскочит на охотника. Нужно только стоять очень тихо, не шевелиться, чтобы зверь тебя не заметил. Я стоял у ёлки и с нетерпением ждал, когда дядя Федя затаит флажки.

Наконец он вновь показался из кустов и весело подмигнул мне:

— Затянул, теперь не уйдёт!

Он привязал верёвку с флажками к кустам, шагах в двадцати позади меня. Круг был замкнут. Я очутился внутри его.

— Сейчас зайду с другой стороны и буду её легонько на вас поугивать, а ты стой, не шевелись. Она прямо на тебя и выскочит.

Дядя Федя скрылся в лесу. Скоро где-то вдали послышался его негромкий окрик: «Ау-ау!..»

Я замер на месте, зорко вглядываясь в лесную чащу. Охота началась. Теперь лиса, испуганная человеческим голосом, уж, верно, вскочила с лёжки и мечется по лесу, стараясь найти выход из флажкового круга. Каждую секунду она может проскочить мимо меня.

Вдруг что-то ярко-жёлтое мелькнуло среди белых кустов. Лиса! Она неслась по чаще лёгким галопом. Я вскинул ружьё, но зверь уже вновь скрылся. Лиса направилась в сторону той полянки, где стоял мой приятель.

Я перевёл дух и опустил ружьё: не беда, деваться ей некуда, сейчас вернётся назад.

Но прошло минут пять — десять, дядя Федя, слегка покрикивая, подходил к нам по лесу ближе и ближе, а лиса всё не выскакивала. Да куда же она девалась?

Наконец впереди из-за кустов показалась засыпанная снегом фигура старика. Он подошёл ко мне:

— Где же лиса?

— Не знаю. Один раз проскочила вон там, мимо ёлок, пошла к поляне — и конец.

Дядя Федя в недоумении пожал плечами:

— Что за история! Мимо меня тоже не проходила, я хорошо глядел. Может, впереди где-нибудь затаилась, залезла под валежину и сидит? Пойду-ка по следу, разберусь.

Старик опять скрылся в лесу, а я вновь принялся ждать. Неожиданно из-за овражка с поляны послышался громкий крик. Дядя Федя кого-то ругательски ругал на весь лес.

Я поспешил на его голос. Перебрался через овражек, вышел на поляну и вижу — на самом краю на пеньке сидит мой приятель и что-то рисует в блокноте. А перед ним стоит дядя Федя, весь красный, шапка на затылке, руками размахивает, кричит. Я к нему:

— Что случилось?

— А вот полюбуйся, что твой дружок здесь натворил!

Я поглядел на полянку. Что такое? Она и не затянута флажками. Флажки разорваны и замотаны на кустах с двух сторон по краям полянки, а прямо посередине через неё идёт свежий лисий след. Значит, лиса здесь и вышла из круга.

— Почему же вы полянку не затянули? — изумился я.

— Как — не затянули? — в бешенстве закричал дядя Федя. — Это вот твой дружок ей ворота открыл.

— Зачем вы так кричите? — добродушно, как ни в чём не бывало обратился к нему мой приятель. — Я же сказал, что вину свою искуплю, привезу из Москвы вам не одну, а две лисьи шкурки, да ещё выделанные, совсем готовые.

— Ну вот и поговори с ним! — махнул рукой дядя Федя. — Разве это охота?

— Объясни, пожалуйста, в чём тут дело? — спросил я товарища.

— А вот в чём, — охотно ответил он. — Понимаешь, стою я здесь. Впереди полянка, вся белая, так и искрится на солнце. А за полянкой, видишь там — зелёные ёлочки из-под снега выглядывают. Вот бы, думаю, по этой полянке да лиса проскочила! Ты понимаешь — рыжая, на белом снегу, на фоне этих ёлочек... Какой сюжет для рисунка, а?.. Ну, я ей выход на полянку и устроил. Забыть не могу, как она по ней пронеслась. Хвост на сторону, трубой. Так перед глазами и стоит. Такой, брат, рисунок будет, ты прямо ахнешь. — Приятель кивнул в сторону дяди Феди. — А он вот понять не хочет, сердится, кричит. Я ж у вас в долгу не останусь, две лисьи шкурки вместо одной привезу.

— Нет, ты мне шкурки из Москвы не вози, у меня своих хватит, — сурово ответил ему старик, принимаясь сматывать флажки. — А вот что слушай: больше не смей ко мне и на глаза показываться... — Он помолчал и вдруг, лукаво улынувшись, добавил: — Ежели ты мне настоящую картину всей этой охоты не привезёшь. Чтобы и снег был, и ёлочки, и лиса на снегу... Всё, как ты здесь сейчас рассказывал.

— Вот это дело! — радостно воскликнул приятель. Он вскочил с пенька и обнял старого охотника. — Привезу, дедушка! Уж для тебя от всей души постараюсь. Вот видишь, — сказал он мне, — дедушка, значит, тоже в душе художник. Ему не шкурка нужна, а сама лиса!

— Да чтоб на снегу как живая была! — добавил дядя Федя.